

Л.А. БЕЗРУКОВ, Ю.С. РАЗМАХНИНА

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 664033, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, Россия, bezrukov@irigs.irk.ru, juliarazm@gmail.com

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ:
ПОСТСОВЕТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ**

На основе итогов переписей 1989 и 2010 гг. дан анализ постсоветской трансформации этнического состава населения Восточной Сибири на трех территориальных уровнях: макрорегиона в целом, регионов (субъектов РФ), муниципальных образований. Из групп народов, выделенных по географическому признаку, уменьшением численности и снижением доли характеризуются русские, украинцы и белорусы, народы Урало-Поволжья, немцы и евреи; ростом численности и повышением доли — коренные крупные и малочисленные народы Сибири, народы Центральной Азии, Закавказья, Восточной Азии. Основное внимание уделено преобладающим в общей численности населения русским и коренным народам. Выявлен рост их суммарной доли за 1989–2010 гг., что отражает тенденцию к снижению этнического разнообразия. Установлена тенденция к резкому усилению поляризации этнического пространства на «русские» регионы (Красноярский и Забайкальский края, Иркутская область) и «этнические» (республики Бурятия, Саха (Якутия), Тыва и Хакасия). Если в первых из них и Хакасии доля русских повысилась, то в трех республиках, особенно в Тыве и Якутии, идет активный процесс моноэтнизации (постсоветской «коренизации»). По доле русского населения муниципальных образований осуществлено районирование этнического пространства Восточной Сибири с выделением русского этнического ядра, контактной зоны русского мегаядра, внутренней и внешней периферии русского мегаядра. Для постсоветской динамики этнического пространства характерно расширение его двух противоположных ключевых компонентов — русского этнического ядра и внешней периферии, что подтверждает тенденцию к поляризации районов и городов на «русские» и «этнические».

Ключевые слова: этническое пространство, «русские» и «этнические» регионы, коренные народы, моноэтнизация, поляризация, постсоветский этап.

L.A. BEZRUKOV, YU.S. RAZMAKHINA

V.B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 664033, Irkutsk, ul. Ulan-Batorskaya, 1, Russia, bezrukov@irigs.irk.ru, juliarazm@gmail.com

**TRANSFORMATION OF THE ETHNIC POPULATION OF EASTERN SIBERIA:
POST-SOVIET TRENDS**

Using the results of the 1989 and 2010 censuses, an analysis is made of the post-Soviet transformation of the ethnic composition of the population of Eastern Siberia at three territorial levels: the macroregion as a whole, regions (constituent entities of the Russian Federation), and municipalities. Among the groups of peoples distinguished by the geographical feature, a decrease in the population size and proportion is characteristic for Russians, Ukrainians and Belarusians, the peoples of the Ural-Volga region, Germans and Jews; the population growth and an increase in the proportion correspond to the large and small indigenous peoples of Siberia, the peoples of Central Asia, Transcaucasia, and East Asia. The focus is on the Russian and indigenous peoples prevailing in the total population. An increase in their total proportion for 1989–2010 has been revealed, which reflects a tendency for a decrease in ethnic diversity. A tendency has been established for a sharp increase in the polarization of ethnic space into “Russian” regions (Krasnoyarsk and Zabaikalskii kraies and Irkutsk oblast) and “ethnic” regions (the Republics of Buryatia, Sakha (Yakutia), Tyva and Khakassia). While in the first of them and Khakassia the share of Russians increased, in three republics, especially in Tyva and Yakutia, there is an active process of mono-ethnicization (“indigenization”). A zoning of the ethnic space of Eastern Siberia was carried out according to four components identified by the proportion of the Russian population of municipalities: the Russian ethnic core, the contact zone of the Russian mega-core, and the inner and outer periphery of the Russian mega-core. The post-Soviet dynamics of the ethnic space is characterized by the expansion of its two opposite key components: the Russian ethnic core and the outer periphery, which confirms the tendency for the polarization of the districts and cities into “Russian” and “ethnic”.

Keywords: ethnic space, “Russian” and “ethnic” regions, indigenous peoples, mono-ethnicization, polarization, post-Soviet stage.

ВВЕДЕНИЕ

Этническая география (этногеография) как одно из направлений общественной географии находится в стадии становления и расширения своей тематики. Разработка проблемы этносов и этнических процессов в отечественной общественной географии ведется по нескольким блокам — этнокультурному, этноэкологическому, этнодемографическому, этнорасселенческому и др. В фокусе внимания настоящей работы находятся преимущественно вопросы этнорасселенческого характера, которые, по мнению В.Н. Стрелецкого [1], изучаются этногеографией как особой субдисциплиной географии населения. К ним в первую очередь относятся вопросы исследования особенностей расселения народов (этносов), их численности и границ ареалов, тенденций и факторов трансформации этнического состава населения, этнических процессов и т. д. Научный анализ этнических процессов и тенденций всех территориальных уровней должен лежать в основе взвешенной национальной и региональной политики, что позволяет обосновать систему мер, направленных на стабильное развитие межнациональных отношений и предупреждение конфликтов на этнической почве.

В качестве района исследования избрана Восточная Сибирь — полиэтничный макрорегион России, рассматриваемый в составе республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва и Хакасия, Забайкальского и Красноярского краев, Иркутской области. Уникальная особенность Восточной Сибири заключается в том, что подавляющую часть ее территории (почти 3/4) занимают названные республики и муниципальные районы бывших автономных округов (Таймырский Долгано-Ненецкий и Эвенкийский в Красноярском крае, Усть-Ордынский Бурятский в Иркутской области, Агинский Бурятский в Забайкальском крае), выделенные на основе этнического принципа [2]. Важно отметить, что все эти национальные единицы государственного и муниципального устройства и другие этнические территории имеют принципиально различный статус, что заметно влияет на электоральные процессы и элитогенез, образование на родном языке и сохранение национальной идентичности, межнациональные отношения и риски возникновения этнополитических конфликтов.

Для постсоветского этапа характерны активные этнические процессы, ведущие к значительным изменениям в национальной структуре населения России и ее регионов. Цель настоящей работы состоит в анализе трансформации этнического состава населения Восточной Сибири за 22 года между последней Всесоюзной переписью 1989 г. и последней Всероссийской переписью 2010 г. на различных территориальных уровнях: макрорегиона в целом, региональном (субъекты РФ) и муниципальном (муниципальные районы и городские округа).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В общем объеме отечественных научных исследований этнических процессов работы по этнической географии относительно немногочисленны, причем работы этнорасселенческой тематики для постсоветского этапа вообще единичны. Среди последних представлены публикации, раскрывающие этническую структуру населения как всей России [3–9], так и ее отдельных макрорегионов [10–12] и регионов [13–16]; еще более редки теоретические работы [17].

Представители сибирской школы социальной географии уделяли ранее [18–20] большое внимание вопросам формирования этнического состава населения макрорегиона, однако исследования географов по современной этнорасселенческой тематике для всей Восточной Сибири отсутствуют. Тем не менее имеются значительные труды, относящиеся к этнокультурным и этноэкологическим аспектам изучения отдельных регионов и этнических групп. В их числе прежде всего следует выделить монографии, посвященные традиционному природопользованию коренных малочисленных народов Севера (КМНС) [21–25] и культурно-географическому анализу локальных сообществ в полиэтничной среде [26, 27]. Вместе с тем лишь по одному восточносибирскому региону — Якутии — освещена постсоветская динамика этнической структуры на муниципальном уровне [14].

Отсюда следует, что территориальная дифференциация постсоветских сдвигов в этническом составе населения Восточной Сибири и подавляющего большинства ее регионов почти не раскрыта. К тому же основное внимание уделялось исследованию КМНС, тогда как русские и относительно крупные сибирские коренные народы (якуты, буряты, тувинцы и хакасы) остались на «заднем плане».

Главным источником информации служили данные переписей населения 1989 и 2010 гг. Ограничение анализируемого периода 2010 г. объясняется тем, что единственными источниками сведений о национальном составе населения являются его переписи. В связи с отсутствием переписи и, соответственно, таких сведений за последний временной интервал 2010–2020 гг. невозможно пока (т. е.

до проведения и обработки результатов новой переписи) рассмотреть весь текущий постсоветский этап. Вместе с тем, учитывая определенную стабилизацию демографических и миграционных процессов в 2000–2010-х гг., по сравнению с более динамичными 1990-ми гг., считаем, что принципиальных изменений в этническом составе за прошедшее десятилетие не произошло.

Серьезной проблемой определения динамики этнического состава является некоторая нестыковка сетки административно-территориального деления регионов в 1989 г. (административные районы, города областного и соответствующего подчинения) и муниципально-территориального деления верхнего уровня в 2010 г. (муниципальные районы и городские округа). Поэтому необходимым этапом работы стала привязка информации за 1989 г. к современной сетке муниципально-территориального деления (после 2010 г. существенных изменений этой сетки не было). Для совместимости территориальных единиц 1989 и 2010 гг. из ряда районов выделены города и, наоборот, несколько городов объединены со своими районами. В итоге этнический состав населения Восточной Сибири оценен по 226 территориальным единицам (ячейкам), из которых 39 представлены городами. Число этих ячеек (226) почти соответствует современному числу муниципальных образований верхнего уровня (229).

В методическом отношении важное значение имеет вопрос, как рассчитывать этническую структуру: от всего населения или лишь от тех, кто определился со своей национальной принадлежностью. В настоящей работе оценка этнического состава произведена от числа лиц, указавших свою национальность, что представляется оправданным. Основное внимание уделено преобладающим в общей численности населения макрорегиона русским и коренным народам Сибири. Итоговой частью исследования стало районирование Восточной Сибири по компонентам территориальной структуры ее этнического пространства.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Динамика этнического состава населения макрорегиона в целом. По итогам переписи 2010 г., из 9,13 млн жителей Восточной Сибири 8,88 млн указали свою национальность, а чуть более четверти миллиона (2,8 %) относятся к так называемым неопределившимся. В число десяти наиболее многочисленных народов вошли (по убыванию) следующие: русские, якуты, буряты, тувинцы, украинцы, татары, хакасы, немцы, эвенки, белорусы. Характерно, что пять из них принадлежат к сибирским коренным (аборигенным) народам.

Результатом постсоветской динамики первой десятки национальностей стало увеличение численности и доли коренных народов при уменьшении соответствующих показателей других народов. Так, украинцы уступили 4-е место тувинцам, белорусы с 7-го места опустились на 10-е, пропустив вперед хакасов, немцев и эвенков, причем последние заменили в первой десятке выбывших чувашей.

Для того чтобы определить общие тенденции в изменении этнического состава населения Восточной Сибири за 1989–2010 гг., наиболее многочисленные народы (и все коренные народы) сгруппированы по географическому признаку. Выделены следующие группы: русские, прочие восточные славяне (украинцы и белорусы), коренные крупные народы (якуты, буряты, тувинцы и хакасы), коренные малочисленные народы (эвенки, эвены, долганы, ненцы, сойоты, шорцы, юкагиры, кеты, нганасаны, чукчи, тофалары, селькупы, энцы и чулымцы), народы Урало-Поволжья (татары, чувашы, мордва, башкиры, марийцы и удмурты), народы Центральной Азии (киргизы, узбеки, таджики и казахи), народы Закавказья (азербайджанцы, армяне и грузины), немцы и евреи, народы Восточной Азии (китайцы и корейцы) (табл. 1). Суммарный удельный вес этих девяти групп, включающих 38 народов, в том числе 14 КМНС, в 2010 г. достиг 99,4 %.

Несмотря на значительное (более 1,1 млн чел.) сокращение численности за 1989–2010 гг., русские, как и прежде, составляли подавляющее большинство, а их доля в общей численности населения (79,7 %) ненамного ниже среднего показателя по России (80,9 %). Негативное значение в динамике имели факторы естественной убыли и миграционного оттока, позитивное — фактор ассимиляции ряда народов (украинцев, белорусов, мордвы, чувашей и др.) в пользу русской этнической идентичности (в значительной мере через национально-смешанные браки).

Три группы народов характеризовались заметным падением численности и снижением доли. Резко сократилась (в 3,2 раза) численность украинцев и белорусов («спутников» русских, по В.В. Покшишевскому [28]). Численность народов Урало-Поволжья уменьшилась в 1,9 раза, по отдельным народам — в диапазоне от 1,6 (татары) до 2,8 раза (мордва). Численность немцев сократилась в 2 раза, евреев — в 3,2 раза. Динамика численности украинцев, белорусов и народов Урало-Поволжья определялась одновременно ассимиляционными процессами, естественной убылью и миграционным от-

Таблица 1

Динамика численности (тыс. чел.) и доли (%) основных групп народов Восточной Сибири за 1989–2010 гг.

Основные группы народов	1989 г.		2010 г.		Изменения	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Русские	8202,0	80,05	7073,7	79,68	–1128,3	–0,37
Украинцы и белорусы	441,1	4,31	136,3	1,54	–304,8	–2,77
Коренные крупные народы	1047,0	10,22	1241,8	13,99	+194,8	+3,77
Коренные малочисленные народы	49,7	0,48	67,8	0,76	+18,1	+0,28
Народы Урало-Поволжья	249,0	2,43	131,7	1,48	–117,3	–0,95
Народы Центральной Азии	33,1	0,32	62,6	0,71	+29,5	+0,39
Народы Закавказья	37,1	0,36	61,1	0,69	+24,0	+0,33
Немцы и евреи	81,9	0,8	39,1	0,44	–42,8	–0,36
Народы Восточной Азии	6,4	0,06	11,5	0,13	+5,1	+0,07
Прочие	99,3	0,97	52,0	0,58	–47,3	–0,39
Итого	10 246,6	100	8877,6	100	–1369,0	0

током при ведущей роли, очевидно, первого из этих факторов. Согласно имеющимся исследованиям [6], для сибирско-дальневосточных регионов характерна более высокая степень ассимиляции, чем для регионов европейской части страны. В динамике численности немцев и евреев первоочередное значение имела эмиграция в дальнее зарубежье.

Остальные пять групп продемонстрировали рост своей демографической массы. Прежде всего это относится к группе коренных крупных народов, численность которой увеличилась в 1,2 раза. Это произошло за счет относительно более высокого естественного прироста коренного населения на фоне оттока русских и других некоренных народов. Вместе с тем при росте численности якутов (на 26,8 %), тувинцев (на 26,5 %) и бурят (на 11,3 %), численность хакасов немного уменьшилась (на 4,8 %).

Главным образом, по причине усиления процесса этнической идентификации численность коренных малочисленных народов в целом увеличилась в 1,4 раза. Правда, этот процесс ускорило предоставление для КМНС в 1990-х–начале 2000-х гг. ряда особых государственных льгот и гарантий (права на природные ресурсы, организацию общин, территории традиционного природопользования и др.), т. е. появление конъюнктурного фактора в виде получения материальной выгоды. Прирост численности наблюдался у эвенков, эвенов, долган, ненцев, сойотов, юкагиров, чукчей, тофаларов, энцев и чулымцев; уменьшение — у шорцев, кетов, нганасан, селькупов. Тувинцы-тоджинцы являются этнографической группой в составе тувинцев и здесь не рассматриваются.

В основном за счет миграционного притока ошутимо выросла численность двух групп — народов Центральной Азии (в 1,9 раза) и Закавказья (в 1,6 раза). В первой группе особенно быстро увеличилась численность таджиков (в 4,9 раза) и киргизов (в 4,5 раза), более медленно — узбеков (в 1,4 раза), тогда как число казахов сократилось (в 2 раза). Во второй группе более высокие темпы роста показали армяне (в 2,4 раза), менее высокие — азербайджанцы (в 1,6 раза), численность же грузин уменьшилась (в 1,8 раза).

С учетом имеющегося опасения относительно так называемой желтой угрозы установлена динамика народов Восточной Азии — китайцев и корейцев. При росте в 1,8 раза численность каждого из этих народов осталась незначительной и в 2010 г. находилась в пределах всего лишь 5–6 тыс. чел.

Динамика этнического состава населения на уровне регионов (субъектов РФ). Ведущие особенности этнической ситуации регионов Восточной Сибири определяет главным образом соотношение русских и коренных крупных народов. С некоторой условностью можно выделить «русские» регионы (Красноярский и Забайкальский края, Иркутская область) и «нерусские» (этнические) регионы (республики Бурятия, Саха (Якутия), Тыва и Хакасия). Разница «русских» и «нерусских» (этнических) районов, отражая этническую структуру населения, проявляется в различиях элементов его демографического и миграционного поведения, специфике личного подсобного хозяйства и традиционной культуры, элитогенеза и электоральных процессов.

В «русских» регионах и Хакасии доля русских за 1989–2010 гг. повысилась на 1,9–3,7 %, достигнув 91,4 % в Иркутской области, 91,3 — Красноярском крае, 89,9 — Забайкальском крае и 81,6 % — Хакасии. Заметим, что доля русских в Иркутской области и Красноярском крае превышала соответствующую долю в таких областях Поволжья и Урала, как Свердловская, Волгоградская, Саратовская,

Пензенская, Самарская, Челябинская и др. Между тем в трех республиках Восточной Сибири эта доля понизилась: не столь существенно в Бурятии (с 69,9 до 66,1 %, или на 3,8 %), очень сильно в Якутии (с 50,3 до 37,8 %, или на 12,5 %) и Туве (с 32 до 16,3 %, или на 15,7 %). Из 21 республики страны в 2010 г. доля русского населения ниже, чем в Туве, лишь в трех северокавказских — Ингушетии (0,8 %), Чечне (1,9 %) и Дагестане (3,6 %).

В то же время во всех республиках Восточной Сибири наблюдался рост удельного веса титульных народов: тувинцев (с 64,3 до 82 %, или на 17,7 %), якутов (с 33,4 до 49,9 %, или на 16,5 %), бурят (с 23,8 до 30 %, или на 6,2 %), хакасов (с 11,1 до 12,2 %, или на 1,1 %). Отсюда следует, что в Туве и Якутии вследствие более высоких темпов естественного прироста тувинцев и якутов, миграционного оттока русских и другого некоренного населения шел процесс образования крупных моноэтнических регионов, что может негативно сказаться на межнациональных отношениях, экономическом и культурном развитии [29–31]. К тому же наблюдалась очень высокая концентрация коренных крупных народов макрорегиона в «своих» республиках: доля проживающих в «своей» республике якутов от их общей численности достигала 97,6 %, тувинцев — 94,5, хакасов — 87,2, бурят с учетом Усть-Ордынского и Агинского округов — 83,9 %. Это говорит об их большей «укорененности» по сравнению, например, с дисперсно расселенными народами Урало-Поволжья: так, аналогичная доля татар составляла только 37,9 %, мордвы — 44,8 %, чувашей — 56,7 % и т. д.

Коренные малочисленные народы проживают во всех восточносибирских субъектах РФ (кроме Тувы), но основная их часть приходится на северные районы, прежде всего на Якутию (59 % общей численности КМНС) и Красноярский край (24 %). Удельный вес КМНС в общей численности населения регионов оценивался лишь десятками долями процента (за исключением Якутии — 4,3 %). Рост численности КМНС за 1989–2010 гг. наблюдался в Красноярском крае, республиках Саха (Якутия), Бурятия и Хакасия, незначительное уменьшение — в Иркутской области и Забайкальском крае, тогда как их доля повысилась во всех регионах за счет миграционного оттока русских и другого некоренного населения.

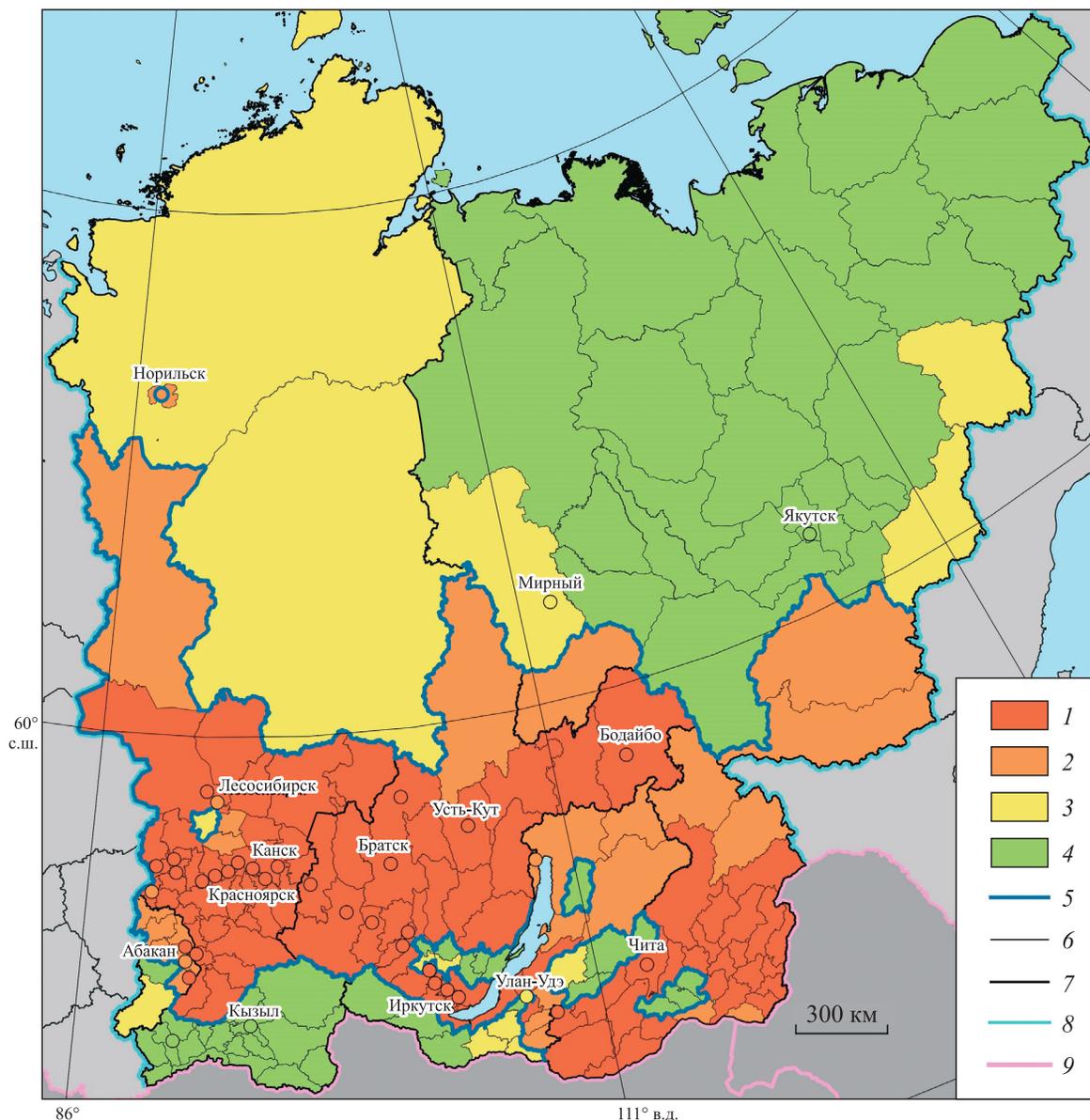
Таким образом, подавляющее большинство в населении Восточной Сибири принадлежало русским и коренным (крупным и малочисленным) народам — в сумме 94,4 %, изменяясь по регионам от 92 % (Красноярский край) до 99 % (Республика Тыва). Следовательно, на все «прочие» (нерусские и некоренные) народы приходилось всего лишь 1–8 % населения регионов. За 1989–2010 гг. доля «прочих» сократилась в макрорегионе с 9,2 до 5,6 %, что отражает тенденцию заметного снижения этнического разнообразия. Наши выводы противоречат общераспространенному мнению о большей этнической мозаичности Сибири по сравнению со всей страной [32], но согласуются с результатами исследований, показавших, что Сибирь имеет уровень национального разнообразия меньше, чем в целом по России, а снижение гетерогенности этнической структуры выражено отчетливее [33].

Указанная тенденция проявилась по линии резкого усиления поляризации этнического пространства на «русские» и «нерусские» (этнические) регионы. Если в первых из них повысилась доля русских (хотя и незначительно), то во вторых — доля коренных титульных народов (особенно сильно в Туве и Якутии). Промежуточное положение занимала Хакасия, где одновременно несколько увеличилась доля и русских, и хакасов.

Динамика этнического состава населения на муниципальном уровне и районирование этнического пространства по компонентам его территориальной структуры. Районирование этнического пространства Восточной Сибири осуществлено на основе немного измененной методики А.Г. Манакова [9] и близких ей методик В.Н. Стрелецкого [3] и С.Г. Сафронова [7]. При изучении этнического пространства России А.Г. Манаков [9] выделяет четыре его главных компонента: 1) русское этническое ядро русского мегаядра; 2) контактную зону русского мегаядра; 3) внутреннюю полиэтничную периферию русского мегаядра; 4) внешнюю полиэтничную периферию русского мегаядра. В качестве главного критерия выделения этих компонентов им использована доля русского населения, дополнительного — индекс этнической мозаичности.

В данную методику внесены следующие небольшие изменения. Во-первых, считаем, что с целью упрощения оценки достаточно одного главного критерия — доли русских. Во-вторых, если А.Г. Манаков [9] оперирует макрорегионами, а В.Н. Стрелецкий [3] и С.Г. Сафронов [7] — субъектами РФ, то в нашем исследовании применяется информация по муниципальным образованиям. Столь дробный территориальный уровень для районирования этнического пространства макрорегиона использован практически впервые.

Русское мегадро, включающее русское этническое ядро (доля русских свыше 90 %) и его контактную зону (75–90 %), протягивалось в макрорегионе широкой непрерывной полосой от западной

Территориальная структура этнического пространства Восточной Сибири в 2010 г.
(на основе критериев, представленных в табл. 2).

Русское мегаядро: 1 — русское этническое ядро, 2 — контактная зона. Полиэтническая периферия русского мегаядра: 3 — внутренняя периферия, 4 — внешняя периферия. Границы: 5 — русского мегаядра с полиэтничной периферией, 6 — муниципальных районов, 7 — субъектов РФ, 8 — Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 9 — государственные.

границы Красноярского края (за исключением северных Таймыра и Эвенкии) и Республики Хакасия (кроме двух южных районов) до юго-восточной границы Республики Саха и восточной — Забайкальского края (см. рисунок). Внутри мегаядра обнаружено несколько очаговых ареалов (анклавов) полиэтничной периферии. Мегаядро занимало треть территории Восточной Сибири, но концентрировало 77 % ее населения и основную часть экономического потенциала.

Из 226 территориальных единиц в ранге муниципальных образований (МО) к русскому мегаядру в 2010 г. относилось большинство — 147 (65 %) (табл. 2). К таким МО принадлежали 56 из 59 городов и районов Красноярского края, 38 из 45 — Иркутской области, 30 из 33 — Забайкальского края, 9 из 11 — Хакасии. В то же время в Бурятии их 11 из 23, в Якутии — всего 3 из 36, а в Туве они отсутствуют.

Динамика компонентов территориальной структуры этнического пространства Восточной Сибири (по числу муниципальных образований) за 1989–2010 гг.

Компоненты	Доля русских, %	1989 г.		2010 г.		Изменения	
		число МО	%	число МО	%	число МО	%
Русское мегаядро	Более 75	141	62,4	147	65	+6	+2,6
Русское этническое ядро	Более 90	71	31,4	118	52,2	+47	+20,8
Контактная зона	75–90	70	31	29	12,8	-41	-18,2
Полиэтническая периферия русского мегаядра	Менее 75	85	37,6	79	35	-6	-2,6
Внутренняя периферия	50–75	31	13,7	15	6,7	-16	-7
Внешняя периферия	Менее 50	54	23,9	64	28,3	+10	+4,4
Всего		226	100	226	100		

При этом русское этническое ядро составляло 118 МО (более половины), массив которых проходил через весь макрорегион по наиболее освоенной и заселенной его части (лишь слегка прерываясь за Байкалом отдельными районами Бурятии), включая как главную полосу расселения, так и территории к северу и югу от нее. В ядре сосредоточивалось 65 % населения Восточной Сибири. Большинство МО (113) находилось в трех «русских» регионах, тогда как в Якутии и Туве они отсутствовали.

К контактной зоне относилось 29 МО (12,8 %), в основном окаймляющих русское этническое ядро с севера и отчасти с юга, а также расположенных анклавами внутри самого ядра. В северных районах отмечался повышенный удельный вес КМНС, в южных — хакасов и бурят, в анклавах Красноярского края — татар, чувашей и немцев в сельской местности, украинцев и татар в городах. Кроме того, на севере Красноярского края имелся единственный в макрорегионе анклав контактной зоны внутри полиэтничной периферии — Норильск.

В течение 1989–2010 гг. ключевой компонент русского мегаядра — русское этническое ядро — показал исключительно позитивную динамику: количество соответствующих МО выросло с 71 до 118, т. е. на 47 (или в 1,7 раза). Подавляющая их часть приходилась на Красноярский край (26) и Иркутскую область (17), незначительная часть — на Забайкальский край (2) и Хакасию (2). В то же время количество МО контактной зоны, наоборот, сократилось на близкую величину — с 70 до 29, т. е. на 41. Следовательно, русское этническое ядро росло за счет контактной зоны, а процесс «русификации» был обусловлен как ассимиляцией ряда нерусских и некоренных народов, так и их повышенным миграционным оттоком.

По сравнению с самим русским мегаядром гораздо сложнее выглядит конфигурация его полиэтничной периферии, куда входят внутренняя (доля русских 50–75 %) и внешняя (ниже 50 %) периферии (см. рисунок). Периферия занимала 2/3 всей площади Восточной Сибири, но ее доля в населении намного меньше — 23 %. Периферия разорвана мегаядром на две большие части — северную и южную. В огромной северной части расположены Таймыр и Эвенкия Красноярского края, все районы Якутии (кроме трех окраинных); южная часть меньшей площади охватывает юг Хакасии, всю Туву, ряд районов Бурятии с Улан-Удэ. Кроме того, внутри русского мегаядра имелось несколько анклавов полиэтничной периферии. В Красноярском крае располагался единственный в макрорегионе анклав (Пировский район), где значительный удельный вес (более 25 %) имел некоренной народ — татары. Наличие остальных четырех анклавов приурочено к районам с высокой долей бурятского населения: Усть-Ордынскому округу (с прилегающим Ольхонским районом), двум ареалам Республики Бурятия, Агинскому округу.

К полиэтничной периферии русского мегаядра в 2010 г. относилось 79 МО (35 %). К ним принадлежали все 19 МО Тувы, 33 — Якутии, 12 — Бурятии, 7 — Иркутской области, 3 — Красноярского края, 3 — Забайкальского края, 2 — Хакасии.

Меньшая часть указанных МО — 15 (6,7 %) — составляла внутреннюю периферию. Наибольшие площади она занимала на севере Красноярского края, где находятся самые обширные муниципальные районы не только Восточной Сибири, но и всей России — Таймырский и Эвенкийский (повышенный удельный вес КМНС — долган, ненцев, эвенков и др.), а также в трех окраинных районах с городом Мирным Якутии (повышенная доля якутов, эвенков и эвенов). На юге макрорегиона внутренняя периферия очень фрагментарна, а ее районы имели значительную долю татар (Красноярский край), хакасов (Хакасия), бурят (Иркутская область и Бурятия).

Более представительна внешняя периферия (38 % территории и 15 % населения Восточной Сибири), состоявшая из 64 МО (28,3 %). Ее огромный монолитный северный ареал охватывал основную часть Якутии (29 МО), где большинство населения в подавляющем числе районов составляли якуты, в четырех районах — КМНС. На юге макрорегиона к внешней периферии принадлежали все 19 МО Тувы, 1 — Хакасии, 5 — Иркутской области, 7 — Бурятии, 3 — Забайкальского края. В этих МО Тувы преобладали тувинцы, Хакасии — хакасы, трех остальных регионов — буряты (кроме единственного Окинского района Бурятии, где большинство составляли сойоты). Но абсолютное доминирование коренных крупных народов (доля свыше 90 %) было характерно только для тувинцев в Туве (13 МО) и якутов в Якутии (10 МО).

В течение 1989–2010 гг. внутренняя периферия сжалась с 31 до 15 МО (более чем в два раза), за счет чего внешняя периферия расширилась с 54 до 64 МО. Рост внешней периферии произошел главным образом в этнических регионах — Якутии (7 МО), Туве (1) и Бурятии (1), а также в Иркутской области (1). Это связано как с более высоким естественным приростом коренного населения, так и с массовым оттоком в 1990-е гг. русских и других некоренных народов, особенно из Тувы и Якутии.

Таким образом, динамика территориальной структуры этнического пространства Восточной Сибири свидетельствовала о росте его двух противоположных компонентов — русского этнического ядра и внешней полиэтничной периферии. Увеличение количества МО как с очень высокой, так и с очень низкой долей русских (и, соответственно, с повышенной долей коренных народов) рельефно отражало тенденцию к поляризации районов и городов на «русские» и «нерусские» (этнические).

Из других тенденций трансформации этнического состава населения макрорегиона, характерных для постсоветского этапа, отметим следующие. Если общепризнанной тенденцией считается гетерогенизация этнического состава населения крупных городов [3, 7], то в «русских» регионах Восточной Сибири их центры отличались, наоборот, большей моноэтничностью («русифицированностью»), чем подконтрольные им субъекты РФ. Доля русских в Красноярске (91,9 %) была выше их доли в крае (91,3 %), в Иркутске (91,8 %) — выше их доли в области (91,4 %), в Чите (93,4 %) — выше их доли в крае (89,9 %).

Иная тенденция проявлялась в «столицах» этнических регионов, где замещение русских представителями титульных народов происходило более быстрыми темпами, чем в их республиках в целом. В 1989–2010 гг. темпы роста доли титульных народов в Кызыле, Якутске и Улан-Удэ опережали аналогичные темпы в их регионах на 21, 5,8 и 5,3 % соответственно, что было обусловлено процессами продолжающейся экстенсивной урбанизации и стремлением коренных народов к сосредоточению в своем центре без последующей миграции [34].

Ведущая тенденция, характерная для коренных малочисленных народов, — почти повсеместное повышение их доли за счет усиления процесса этнической идентификации и миграционного оттока русских и другого некоренного населения, в результате чего в 11 МО эта доля превышала 20 %. Другая тенденция — все большая концентрация представителей КМНС не только в местах традиционного проживания, но и в соответствующих региональных центрах: от 12 до 15 % эвенков, эвенов, юкагиров и долган Якутии было сосредоточено в самом Якутске, 14 % эвенков Бурятии — в Улан-Удэ, 7 % эвенков Иркутской области — в Иркутске и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восточная Сибирь остается полиэтничной, но на современном этапе на ее территории, наряду со сложившимися ранее этническими процессами и тенденциями, отчетливо проявились новые. Трансформация этнического состава населения очень дифференцирована («от места к месту») и во многом связана с различиями «русских» и «нерусских» (этнических) регионов, в том числе с существованием сложной иерархии разностатусных национальных единиц государственного и муниципального устройства. Постсоветская динамика территориальной структуры этнического пространства макрорегиона говорит в первую очередь о расширении его двух противоположных ключевых компонентов — русского этнического ядра и внешней полиэтничной периферии. Ядро росло за счет контактной зоны в «русских» регионах и Хакасии, а внешняя периферия расширялась за счет внутренней периферии этнических регионов.

В рисунке и динамике этнического расселения прослеживаются определенные пространственные закономерности. Доля русского населения в целом снижалась с запада на восток и с удалением на север и юг от главной полосы расселения, составляющей основу русского этнического ядра. Более

сильный рост доли русских на постсоветском этапе наблюдался в МО западной части макрорегиона — Красноярском крае и Иркутской области, слабее — в МО восточной части — Забайкальском крае. Удельный вес коренных народов Сибири повышался к северу и югу от русского этнического ядра. Усиление тенденции к моноэтнизации восточносибирских республик зависит как от исходной доли их титульных народов в населении, времени присоединения к России, значимости русского языка и культуры, так и, пожалуй, в еще большей мере от географического положения этих этнических регионов. Неблагоприятное экономико-географическое положение Тувы и Якутии, определяющее их транспортную изолированность и труднодоступность, ограничивало территориальную и социальную мобильность коренного населения, создавало основу для этнической замкнутости, стимулируя в итоге процесс моноэтнизации. В то же время в республиках с более благоприятным экономико-географическим положением (в пределах главной полосы расселения) ситуация во многом иная: в Бурятии и тем более Хакасии процесс моноэтнизации был выражен гораздо слабее.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (19–311–90048).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Стрелецкий В.Н.** Культурная география // Социально-экономическая география в России. — Владивосток: Дальнаука, 2016. — С. 76–87.
2. **Безруков Л.А., Размахнина Ю.С.** Теоретические основы исследования этничности и этнических процессов в общественной географии // Геополитика и геодинамика регионов. — 2018. — Т. 4 (14), вып. 4. — С. 53–65.
3. **Стрелецкий В.Н.** Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственные структуры // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период. — М.: Изд-во Моск. техн. ун-та, 2011. — С. 146–176.
4. **Орлов А.Ю.** Историко-географические аспекты трансформации этнической структуры населения Российской Федерации // Региональные исследования. — 2013. — № 2 (40). — С. 120–124.
5. **Житин Д.В.** Изменение в расселении русского этноса в пределах Российской Федерации во второй половине XX—начале XXI в. // Изв. РГО. — 2013. — Т. 145, вып. 3. — С. 67–82.
6. **Житин Д.В.** Родной язык как индикатор ассимиляционных процессов в Российской Федерации // Региональные исследования — 2014. — № 2 (44). — С. 96–106.
7. **Сафронов С.Г.** Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. — 2015. — № 3 (25). — С. 138–153.
8. **Манаков А.Г.** Русские в этническом пространстве России: региональная динамика с 1897 по 2010 г. // Региональные исследования. — 2018. — № 14 (59). — С. 57–71.
9. **Манаков А.Г.** Трансформация этнического пространства России в XVIII–XIX вв.: историко-географический анализ // Изв. РГО. — 2019. — Т. 151, вып. 1. — С. 17–28.
10. **Белозеров В.С.** Этническая карта Северного Кавказа. — М.: ОГИ, 2005. — 304 с.
11. **Орлов А.Ю.** Геодемографические исследования этноассимиляционных процессов (на примере населения Приволжского федерального округа) // География и природ. ресурсы. — 2011. — № 1. — С. 129–136.
12. **Манаков А.Г.** Оценка этнической мозаичности регионов Европейской России в периоды между переписями 1897, 1959 и 2010 гг. // Изв. РАН. Сер. геогр. — 2019. — № 2. — С. 117–128.
13. **Герасименко Т.И.** Проблемы этнокультурного развития трансграничных регионов. — СПб., 2005. — 235 с.
14. **Дегтева Ж.Ф.** Трансформация этнической структуры Республики Саха (Якутия) // Региональные исследования. — 2013. — № 1. — С. 80–85.
15. **Дружинин А.Г.** Этнодемографические трансформации в центрo-периферийной структуре Ростовской области (постсоветские тренды) // Региональные исследования. — 2015. — № 3 (49). — С. 78–85.
16. **Чихичин В.В., Белозеров В.С.** Этническая карта Ставрополя: пространственно-временная динамика за последние полвека // Региональные исследования. — 2015. — № 4 (50). — С. 113–119.
17. **Герасименко Т.И., Родоман Б.Б.** Этноконтактные зоны как вид этнокультурных регионов // Вестн. АРГО. — 2018 (№ 7). — С. 55–67.
18. **Воробьев В.В.** Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). — Новосибирск: Наука, 1975. — 259 с.
19. **Воробьев В.В.** Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). — Новосибирск: Наука, 1977. — 160 с.
20. **Булаев В.М.** Этнонациональные особенности формирования населения Восточного Забайкалья (социально-географическая интерпретация). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 1998. — 128 с.
21. **Задорожный В.Ф., Михеев В.С., Напрасников А.Т., Ишмуратов Б.М., Лямкин В.Ф., Ряченко С.В., Соловова А.Т., Шкаровский В.И.** Традиционное природопользование эвенков: обоснование территорий в Читинской области. — Новосибирск: Наука, 1995. — 118 с.

22. Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги. Мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. — 164 с.
23. Рагулина М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез. — Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. — 171 с.
24. Территории традиционного природопользования Восточной Сибири. Географические аспекты обоснования и анализа / Отв. ред. Л.М. Корытный. — Новосибирск: Наука, 2005. — 212 с.
25. Задорожный В.Ф., Напрасников А.Т., Раднаев Б.Л. Зональные типы природопользования: опыт географического и этнического обоснования и анализа. — Новосибирск: Наука, 2010. — 240 с.
26. Куклина В.В. Локальные сообщества Южной Сибири в полиэтничной среде: культурно-географический срез. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. — 117 с.
27. Цыдыпова Л.С. Историко-географические особенности формирования этнокультурного ландшафта Баргузинского Прибайкалья. — М.: Инфра-М, 2018. — 156 с. — (Научная мысль).
28. Покшишевский В.В. География населения СССР. — М.: Просвещение, 1971. — 174 с.
29. Балакина Г.Ф., Анайбан З.В. Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. — Новосибирск: Наука, 1995. — 140 с.
30. Попков Ю. В. Этносоциальные процессы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики // Новые исследования Тувы. — 2016. — № 2 [Электронный ресурс]. — <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/92> (дата обращения 15.05.2020).
31. Тарбастаева И.С. Тува превращается в моноэтнический регион: риски и перспективы // ЭКО. — 2018. — № 5. — С. 65–79.
32. Жигунова М. Разные, но вместе // Эксперт-Сибирь. — 2011. — № 50. — С. 11–13. — (Спец. обозрение «Сибирская идентичность»).
33. Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Хржановская А.А. Национальное и религиозное разнообразие регионов России // ЭКО. — 2018. — № 5. — С. 28–43.
34. Тихонов С. Улан-Удэ: национально-климатический капкан // Эксперт. — 2019. — № 9. — С. 34–39. — (Спец. обозрение «Недвижимость в регионах»).

Поступила в редакцию 11.08.2020

После доработки 24.12.2020

Принята к публикации 25.03.2021